

взять отъ жизни и людей; что онъ «нищъ для подарковъ» и «просто р-стовщикъ»; что перо его «слабо ковыряетъ дѣйствительность, тихонько ворошить мелочи жизни», роется «въ мусоръ будень» и не умѣетъ «находить въ нихъ ничего, кромѣ печальныхъ, крошечныхъ истинъ, устанавливающихъ только то, что человекъ золь, глупъ, безчестенъ, что онъ вполне и всегда зависитъ отъ массы внѣшнихъ условий, что онъ безсиленъ и жалокъ». Далѣе это обобщается и говорится уже не объ одномъ авторѣ, а вообще о писателяхъ нашего времени, говорится, что служители слова, литераторы, почти успѣли уже убѣдить человека въ томъ, что онъ золь, глупъ, безчестенъ, безсиленъ и жалокъ. Смотря на себя въ такомъ, созданномъ писателями нашего времени изображеніи, и видя, какъ онъ дурень, человекъ не видитъ, уже *возможности быть лучше*; а литераторы и писатели, эти учителя жизни нашихъ дней, *не умѣютъ* «показать ему этой возможности»; —они гораздо больше отнимаютъ у людей, чѣмъ даютъ имъ, ибо все только о недостаткахъ говорятъ, только ихъ видятъ. «Добродѣтели и пороки усиліями этихъ учителей, усиліями «опредѣлить ихъ» (т. е. опредѣлить добродѣтели и пороки), — «только спутаны, какъ два клубка нитокъ, черныхъ и бѣлыхъ, которыя отъ близости стали сѣрыми, воспринявъ другъ отъ друга часть первоначальной окраски». «И едва-ли Богъ послалъ васъ (т. е. современныхъ писателей, этихъ учителей жизни нашихъ дней, по выраженію Горькаго) на землю», — восклицаетъ голосъ авторской совѣсти, — потому что вы «чадите, какъ факелы торжества сатаны, и чадь вашъ, проникая въ умы и души, отравляетъ ихъ ядомъ недоверія къ себѣ Скажи, чему вы учите?» — И опять этотъ вопросъ своей совѣсти авторъ долженъ былъ оставить безъ отвѣта, а на вопросъ — «чего ради вы пишете?» — долженъ былъ сознаться, не давая прямого отвѣта на вопросъ, что писатели нашего времени и онъ, Горькій, въ числѣ ихъ, не только не могутъ «дать жизни что либо новое», но и старое даютъ «въ скомканномъ, измятомъ, лишенномъ образа видѣ». «Читая васъ», говоритъ автору его совѣсть, «ничему не поучаешься, ни за что кромѣ васъ, не стыдишься». На оправданіе, что «жизнь не даетъ иныхъ образовъ, кромѣ тѣхъ, которые воспроизводимъ мы», совѣсть возражаетъ, что «для человека, имѣющаго счастье владѣть словомъ, стыдно и позорно сдѣлаться въ своемъ безсиліи передъ жизнью и въ томъ, что не можетъ онъ встать выше ея. А если ты стоишь на одномъ уровнѣ съ жизнью, если ты не можешь силой воображенія твоего создать образы, которыхъ нѣтъ въ жизни, но которые необходимы для поученія ея, — какая польза въ твоей работѣ и чѣмъ оправдаешь ты званіе свое? Загромождая память и вниманіе людей мусоромъ фотографическихъ снимковъ съ ихъ жизни, бѣдной со бытіями, — подумай, — не вредишь-ли ты людямъ?» «Можешь-ли ты», — спрашиваетъ совѣсть, — «возбудить въ людяхъ какой-либо иной смѣхъ, кромѣ смѣха порицанія, кромѣ пошлаго смѣха надъ тобой, человекомъ, который лишь потому смѣшонъ, что жалокъ? Пойми, твое право проповѣдывать должно имѣть достаточное основаніе... Для того, чтобы имѣть право говорить къ народу, нужно имѣть въ душѣ или великую ненависть къ его недостаткамъ, или великую любовь къ нему за его страданія, если же нѣтъ въ душѣ твоей этихъ чувствъ, будь скромнень и много подумай прежде, чѣмъ что-либо